

перспективным направлением совершенствования практики деятельности следственно-оперативных групп является разработка и включение в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь правовых норм, регламентирующих порядок их создания и функционирования.

Библиографические ссылки

1. Бажанов, С. Историческая преемственность следственных групп (бригад) / С. Бажанов // Законность. 1998. № 5.
2. Балашов, А. Взаимодействие следователей и органов дознания / А. Балашов // Социалист. законность. 1970. № 12.
3. Бухаров, Г. Опыт организации работы по раскрытию тяжких преступлений / Г. Бухаров // Социалист. законность. 1977. № 1.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 16; 1963. № 1.
5. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; Ин-т истории Акад. наук. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 1 : 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.
6. Каганович, И. Организация следственной работы / И. Каганович // Социалист. законность. 1962. № 8.
7. Карнеева, Л.М. Расследование преступлений группой следователей / Л.М. Карнеева, И.С. Галкин. М., 1965.
8. Керимов, Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д.А. Керимов. М. : Аванта+, 2000.
9. Ларин, А. Процессуальные вопросы соотношения следствия и оперативно-розыскной деятельности органов дознания / А. Ларин // Социалист. законность. 1964. № 7.
10. Организация взаимодействия следователей и органов дознания в расследовании преступлений / Г. Кравец [и др.] // Социалист. законность. 1963. № 6.
11. Пролетарская революция и право. 1919. № 1.
12. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1991. Т. 8 : Судебная реформа / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Б.В. Виленский.
13. Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений и распоряжений Совета Министров БССР. 1961. № 1; 1963. № 16.
14. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 85; 1920. № 83; 1922. № 5.
15. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Советской Социалистической Республики Белоруссии. 1922. № 20–21; 1923. № 4.
16. Тихонов, А. Расследование преступления группой следователей / А. Тихонов // Социалист. законность. 1974. № 6.
17. Улимаев, Р.Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.Ю. Улимаев. М., 2002.
18. Цоколов, И.А. О возникновении и развитии группового метода расследования преступлений как формы взаимодействия следователей с сотрудниками других служб / И.А. Цоколов // Информ. бюл. Следств. ком. при МВД России. 2000. № 4.
19. Он же. Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Цоколов. М., 2001.
20. Шиенок, В.П. Следственно-оперативная группа как форма взаимодействия следователей и оперативных работников ОВД : (организационно-правовые аспекты) / В.П. Шиенок, В.М. Логвин // Актуальные вопросы охраны правопорядка и борьбы с преступностью : сб. науч. тр. преподавателей, адъюнктов и соискателей / Акад. МВД Респ. Беларусь ; под ред. канд. юрид. наук Л.В. Саленика. Минск, 1998.

П.В. Мытник, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ: DE LEGE LATA И DE LEGE FERENDA

Презумпция невиновности – один из принципов уголовного процесса (ст. 16 УПК), который также закреплен в Конституции Республики Беларусь (ст. 26). В работе раскрыто содержание данного принципа, проанализированы различные подходы отдельных ученых, которые раскрывали проблемы, связанные с презумпцией невиновности. Подробный анализ норм положений Конституции, УПК свидетельствует о том, что прекращение производства по уголовным делам по не-реабилитирующим основаниям вступает в противоречие с презумпцией невиновности в том виде, в каком она закреплена в Конституции. Краткий обзор уголовно-процессуального законодательства других государств свидетельствует о различном закреплении и понимании презумпции невиновности. В этой связи автором сделан акцент на ст. 8 Конституции, а также на нормах международно-правовых актов, которые содержат рекомендации о разрешении уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве. Презумпция невиновности – межотраслевой принцип, которым следует руководствоваться не только в уголовно-процессуальной деятельности, но и при производстве по административным делам и проведении служебных расследований о дисциплинарных проступках.

Презумпция невиновности в том виде, в каком она закреплена в отечественном законодательстве (ст. 26 Конституции Республики Беларусь, ч. 1 ст. 16 УПК), – «Лицо, обвиняемое в совершении пре-

ступления, считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда» – представляет собой ее абсолютистское понимание (истолкование), на что указывают авторы одного из комментариев УПК РФ, в котором (ст. 14) закреплена презумпция невиновности [7, с. 43], поэтому данная норма вступает в противоречие с другими статьями УПК. Кто считает обвиняемого невиновным? Утверждается, что таковым его считает закон. Какой?

Уголовно-процессуальный закон (ч. 1 ст. 7 УПК) запрещает привлекать невиновных к уголовной ответственности. Если придерживаться мнения, согласно которому лицо считается привлеченным к уголовной ответственности после вступления обвинительного приговора в законную силу, то с таким требованием законодателя нельзя не согласиться. Однако Уголовный кодекс предусматривает уголовную ответственность за привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного (ст. 393 УК), то есть в качестве обвиняемых должны привлекаться виновные. Если же закон считает обвиняемого невиновным, то как объяснить положения УПК, которые допускают применение к нему мер государственного принуждения (мер пресечения – гл. 13 УПК, отстранение от должности подозреваемого и обвиняемого – ст. 131 УПК и т. д.). Доводы, что для применения данных мер принуждения необходимо наличие оснований, указанных в законе, а задачи, стоящие перед уголовным процессом, без использования арсенала мер процессуального принуждения невозможно решить, не убеждают в том, что меры применяются к лицу, которое считается невиновным.

Во-первых, меры принуждения применяются к лицу, в отношении которого имеются доказательства виновности. Если их нет, то лицо в нарушение закона поставлено в положение обвиняемого, соответственно, к нему незаконно применяются меры принуждения. Наличие достаточных доказательств, дающих основания для предъявления лицу обвинения (ч. 1 ст. 240 УПК), – это не что иное, как доказательства совершения лицом преступления, то есть доказательства виновности.

Во-вторых, если лицо презюмируется (предполагается) невиновным, то с ним следует соответственно обращаться, а не заключать под стражу. В этой связи М.Д. Шиндяпина отмечает, что «...все то, что предшествует вынесению и вступлению в законную силу акта применения, можно определить как презумпцию правонарушения и, соответственно, презумпцию юридической ответственности» [21, с. 43]. По мнению Ф.Г. Шахкелдова, «...объяснить презумпцию невиновности с фактической точки зрения невозможно, так как, по судебной статистике, подавляющее большинство лиц, привлеченных в качестве обвиняемых по делу, в дальнейшем оказываются виновными» [19, с. 22].

В-третьих, как объяснить то, что закон не допускает возможности возмещения расходов обвиняемому, связанных с его явкой по вызову в органы предварительного расследования и в суд, а также исключает сохранение ему среднего заработка по месту работы или выплату вознаграждения за отвлечение от обычных занятий за все время явки по вызову (ст. 162 УПК)?

Наконец, закон предусматривает возможность прекращения производства по уголовным делам по нереабилитирующим обстоятельствам органом уголовного преследования (п. 3, 4, 11 ч. 1 ст. 29 УПК), а прокурор – и по основаниям, предусмотренным ст. 30 УПК. Во всех указанных случаях лицо считается совершившим преступление, то есть виновным, хотя приговор по делу не постановлялся и, соответственно, не вступал в законную силу, но преступление считается раскрытым. Согласно межведомственной Инструкции о едином учете преступлений и лиц, их совершивших, (утверждена в декабре 2000 г.) в случае прекращения производства по уголовному делу зарегистрированные преступления считаются раскрытыми и подлежат оставлению на учете (п. 23.1, 23.2 и 40.3). Конституционный суд Республики Беларусь отмечает, что в таких случаях имеют место отступления «...в определенной мере от принципа презумпции невиновности» [14, с. 17]. Еще раз подчеркнем, что в таких случаях никакие расходы обвиняемому (потерянный заработок, оплата услуг защитника, расходы по явке) не возмещаются; лицо не освобождается от обязательства по возмещению причиненного вреда.

Орган уголовного преследования также считает виновным обвиняемого задолго до вступления приговора в законную силу. В начале допроса следователь, дознаватель должны выяснить у обвиняемого, желает ли он сообщить свое отношение к предъявленному обвинению, признает ли его полностью или частично либо отрицает свою вину в предъявленном ему обвинении (ч. 5 ст. 244 УПК). Независимо от ответа данные должностные лица считают обвиняемого виновным: не будучи уверенными в том, что конкретное лицо совершило преступление, они не вправе привлекать его в качестве обвиняемого (ст. 240 УПК). Уголовный кодекс, как уже отмечалось, предусматривает уголовную ответственность за привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного (ст. 393 УК). Еще раз подчеркнем: следователь, который формулирует обвинение, предъявляет его обвиняемому, передает уголовное дело прокурору, а также прокурор, направляющий дело в суд, конечно же, считают обви-

няемого виновным, убеждены в этом, иначе они не поступали бы таким образом. На это указывается в специальной литературе [1, с. 2].

Другой вопрос, что убеждение следователя (дознателя, прокурора) в виновности обвиняемого не равнозначно признанию лица виновным и его осуждению от имени Республики Беларусь. Во-первых, в последующем производство по делу может быть прекращено по реабилитирующим основаниям. Во-вторых, все имеющиеся доказательства подвергаются проверке и оценке судом первой инстанции в условиях состязательности, гласности, при этом может быть постановлен оправдательный приговор. Наконец, привлечение лица в качестве обвиняемого, прекращение производства по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям не предполагает применение к лицу мер уголовной ответственности и оно не имеет судимости.

В соответствии с международными актами установление виновности обвиняемого в совершении преступления не увязывается категорически с приговором суда. В этих актах сделан акцент на том, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным. Это позволяет признавать человека виновным и одновременно освободить его от уголовной ответственности без постановления приговора [6, с. 19–21; 17 с. 11–12]. В этой связи отмечается, что «имеет право считаться» преобразилось в императивное «считается невиновным», «в установленном законом порядке» – в достаточно безапелляционное «установлена приговором суда». Даже на родине состязательного уголовного судопроизводства (в США, Англии) в сущность этой идеи не вкладывают «сверхсостязательного» содержания [6, с. 139; 18, с. 5]. Трудно не согласиться с мнением, что когда «...речь идет об освобождении от уголовной ответственности, вряд ли можно считать обязательным судебное разбирательство... Если судебного разбирательства по делу не требуют интересы общества и государства – какой же тогда смысл обязательно доводить дело до суда? Не будет ли это означать, что право человека не соглашаться с обвинением и требовать суда превращается для него в обязанность быть „судимым“» [9, с. 19].

Когда речь идет о презумпции невиновности, необходимо иметь в виду и общеправовой статус гражданина за рамками уголовного процесса, поэтому вызывает возражение положение, закрепленное в ч. 2 ст. 64 Конституции Республики Беларусь: «...в голосовании не принимают участия лица, в отношении которых в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, избрана мера пресечения – содержание под стражей». Лица, еще не признанные виновными в совершении преступлений судом, приравнены к недееспособным и лицам, содержащимся по приговору суда в местах лишения свободы. В данном случае нарушается и принцип равенства граждан перед законом: обвиняемый, находящийся на свободе (в том числе и тот, в отношении которого мера пресечения «заключение под стражу» изменена, допустим, на домашний арест), участвует в выборах. Вряд ли здесь приемлемы ссылки на проблемы организационного плана (ч. 1 ст. 31 Конституции России такого запрета не содержит [8, с. 4]).

В рамках уголовного процесса лицо вправе считать себя невиновным и настаивать на судебном разбирательстве (ч. 3 ст. 29, ч. 3 ст. 30 УПК). Подчеркнем, лицо может быть осуждено и к нему могут быть применены меры уголовной ответственности только судом, то есть в случае постановления обвинительного приговора и вступления его в законную силу. Полагаем, именно в этом (наряду с правилами о доказывании) заключается сущность презумпции невиновности. Если с согласия обвиняемого, его законного представителя и защитника производство по делу прекращается по нереабилитирующим основаниям, то лицемерно считать его невиновным. Однако такая виновность не влечет за собой состояния судимости. Следователь, орган дознания, прокурор не привлекают лицо к уголовной ответственности (уголовная ответственность есть разновидность юридической, которая «...наступает с момента вступления в законную силу акта применения правоохранительной санкции, содержащей меру ответственности (судебного приговора, решения суда)» [5, с. 13]), а тем более, они не вправе осуждать кого бы то ни было.

Л.В. Головкин приводит аргументы о том, что «...освобождение от уголовной ответственности должно происходить до того, как суд признает лицо виновным в совершении преступления, поскольку после официальной констатации виновности лица уголовное преследование полностью реализуется и никакие альтернативы ему более невозможны в принципе». Далее он говорит о том, что тот, кто вправе признать виновным и привлечь к ответственности (а это суд), тот и только тот вправе и освободить от уголовной ответственности [2, с. 254]. Будучи, пожалуй, самым последовательным сторонником альтернатив уголовному преследованию, данный автор указывает, что прокурор, следователь, дознаватель осуществляют в уголовном процессе функцию уголовного преследования и обладают дискреционными полномочиями именно по поводу уголовного преследования: они вправе отка-

зываются от преследования, не затрагивая вопрос виновности и освобождения от уголовной ответственности. Поскольку суд осуществляет функцию правосудия, то он вправе не отказаться от уголовного преследования, а освободить обвиняемого от уголовного преследования. По его мнению, примирение с презумпцией невиновности состоит в том, что при отказе от уголовного преследования (а также при освобождении лица от уголовной ответственности судом) никто не вправе объявлять обвиняемого «лицом, совершившим преступление» или «виновным», но и не обязан официально констатировать его невиновность; лицо презюмируется невиновным [2, с. 339–345].

Полагаем, уважаемому автору все же не удалось примирить презумпцию невиновности с прекращением производства по уголовным делам по нереабилитирующим основаниям (получается что-то вроде «ни войны, ни мира»). Уж если лицо презюмируется невиновным, то ему должны возмещаться расходы, обусловленные участием в деле, преступление должно считаться нераскрытым и т. д. Необходимо также иметь в виду, что при освобождении судом обвиняемого от уголовного преследования орган уголовного преследования в лице прокурора, государственного обвинителя может не согласиться с таким решением суда и внести частный протест (ст. 377 УПК Республики Беларусь, ст. 373 УПК России), что можно рассматривать как продолжение преследования (несмотря на освобождение от него судом).

Высказано предложение, чтобы правом освобождения от уголовной ответственности был наделен только суд, при этом он должен оформлять данное решение постановлением о прекращении производства по делу [12, с. 55]. Однако данное предложение лишь сглаживает, но не устраняет проблему. Все тот же вопрос: кого освобождает суд? Невиновного? Но его не надо освобождать, его надо оправдывать. Виновного? Но согласно ст. 26 Конституции Республики Беларусь вина должна быть доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (а не постановлением). Если с «предусмотренным порядком» все ясно, то обвинительного приговора нет.

Прекращение производства по уголовным делам по нереабилитирующим основаниям «законно вопреки закону»: с одной стороны, такая возможность прекращения производства по делу предусмотрена УК и УПК, а с другой – данное решение вступает в противоречие с презумпцией невиновности в том виде, в каком она закреплена в Конституции (ст. 26) и УПК (ст. 16). Это противоречие явное и на него указывалось достаточно давно. Так, профессор А.М. Ларин еще в советские времена отмечал, что «...прекращение дела по таким основаниям допустимо лишь при условии, что вина данного лица доказана. Освободить от уголовной ответственности за преступление ввиду истечения давности можно только того, кто это преступление совершил. Иначе дело следовало бы прекратить за отсутствием события преступления или состава преступления в деянии подсудимого. Амнистия – это прощение виновного, а не реабилитация невиновного. Вряд ли надо много говорить и о том, что нельзя списывать на покойников преступления, когда достоверно не установлено, кем они совершены» [11, с. 110]. И далее, будучи последовательным до конца, автор указывает, что «...возможность признания лица виновным в совершении преступления помимо приговора суда должна быть исключена полностью и решительно, как этого требует Конституция» [11, с. 118].

В свою очередь, такой подход (абсолютистское понимание, признание и закрепление презумпции невиновности) должен влечь за собой исключение из Уголовного кодекса института освобождения от уголовной ответственности. В уголовном процессе это означает невозможность прекращения производства по уголовным делам по нереабилитирующим основаниям: производство по уголовным делам должно заканчиваться только постановлением обвинительного или оправдательного приговора. Именно таков смысл нормы, закрепленной в ст. 26 Конституции, отраслевое же законодательство должно быть приведено в соответствие с Основным Законом (ч. 2 ст. 137 Конституции). Но есть ли в этом необходимость, готов ли к этому правоприменитель и насколько это корреспондируется с международными тенденциями и рекомендациями, содержащимися в международных документах?

«В соответствии с национальным законодательством лица, осуществляющие судебное преследование, надлежащим образом рассматривают вопрос об отмене судебного преследования, об условном или безусловном приостановлении разбирательства или об отзыве уголовных дел из официальной системы правосудия, при этом в полной мере уважая права подозреваемого и жертвы» (принцип 18 «Альтернативы судебному преследованию» Руководящих принципов, касающихся роли лиц, осуществляющих судебное преследование (приняты 8 Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 27 августа – 7 сентября 1990 г.) [16, с. 242]). Аналогичные рекомендации содержатся в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и зло-

употребления властью, а также в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [16, с. 258–277].

Мы выступаем за сохранение института освобождения от уголовной ответственности (на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования – прекращение уголовного преследования). Абсолютистское понимание и соответствующее закрепление презумпции невиновности в Конституции поставило нас «впереди планеты всей». Ведь если быть последовательными и откровенными до конца, то неизбежен вывод о том, что принимаемые (и принятые) решения о прекращении производства по уголовным делам по нереабилитирующим основаниям незаконны. В данной ситуации можно рекомендовать строго руководствоваться Конституцией, а это (коль скоро виновным в совершении преступления лицо можно считать лишь после вступления обвинительного приговора в законную силу) повлечет за собой значительный рост количества граждан, привлеченных к уголовной ответственности (осужденных): ведь можно будет лишь освобождать от наказания либо постановлять приговор без наказания. Неизбежно возрастут материальные затраты (это также следует учитывать). Другой выход – изменить редакцию ст. 26 Конституции и, соответственно, ст. 16 УПК.

Однако не будем строить иллюзий: несмотря на серьезность и важность обсуждаемого вопроса, вряд ли незамедлительно будут внесены изменения в ст. 26 Конституции. Но мы должны помнить и о ст. 8 Конституции, в которой сказано, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства, поэтому необходимо совершенствовать институт освобождения от уголовной ответственности или, по международной терминологии, институт альтернатив уголовному преследованию.

Не призывая к бездумному заимствованию опыта зарубежных законодателей, укажем на следующее. Мнение о том, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, в отечественной теории уголовного процесса считается общепризнанным. Вместе с тем в уголовном процессе США в определенных случаях бремя доказывания лежит на обвиняемом [13, с. 27].

В уголовном процессе Франции в виде общего правила именно защита обязана доказать наличие обстоятельств, исключающих преступность деяния (например, необходимой обороны). Иногда суды требуют, чтобы защита доказывала субъективные обстоятельства, делающие уголовную ответственность невозможной (например, невменяемость в момент совершения преступления). Специальные случаи, когда бремя доказывания своей невиновности возлагается на обвиняемого, достаточно многочисленны во французском законодательстве. В соответствии с п. 3 ст. 225-6 УК Франции лицо признается виновным в сводничестве, если оно «...при невозможности обосновать источники доходов, соответствующих его образу жизни, проживает с лицом, систематически занимающимся проституцией». В данном случае обязанность доказать легальность получения доходов прямо возложена на обвиняемого [3, с. 300]. В германском уголовном процессе бремя доказывания целиком и полностью лежит на суде [3, с. 405]. В ч. 7 ст. 12 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности государствам-участникам предлагается «рассмотреть возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законное происхождение предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательства» [15]. Высказано мнение, что «...применительно к коррупционным преступлениям это требование может быть реализовано в... процессуальном законодательстве без ущерба для общих принципов правовой системы» [4, с. 14]. В завершение рассматриваемого вопроса отметим, что ни в Конституции Республики Беларусь (ст. 26), ни в УПК (ст. 16) не упоминается подозреваемый, на которого также распространяет свое действие презумпция невиновности.

О том, что в данном случае понятие «обвиняемый» следует трактовать расширительно, указывали многие авторы. Ф.Г. Шахкелдов в этой связи предлагает использовать термин «лицо, привлеченное к рассмотрению» (соответственно, «презумпция невиновности лица, привлеченного к рассмотрению») [20, с. 176], однако вряд ли новый термин можно признать удачным. Конституционной нормой (ст. 26) следует руководствоваться не только при производстве по материалам и уголовным делам, но и при производстве по административным делам и проведении служебных расследований о дисциплинарных проступках (правонарушитель не обязан доказывать свою невиновность). Поскольку в гражданском процессе каждая сторона доказывает факты, на которые ссылается как на основание своих требований или возражений (ч. 1 ст. 179 ГПК), нельзя говорить о том, что рассмотренный принцип (презумпция невиновности) «...общеправовой, распространяющийся на все виды правоприменительной деятельности, на все правоотношения» [10, с. 55].

Библиографические ссылки

1. Арсентьева, Ю.В. О содержании института освобождения от уголовной ответственности / Ю.В. Арсентьева // Рос. следователь. 2005. № 12.
2. Головки, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головки. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002.
3. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головки, Б.А. Филимонов. М. : Зерцало-М, 2001.
4. Камынин, И. Международное законодательство о борьбе с коррупцией и нормы УК РФ / И. Камынин // Законность. 2005. № 11.
5. Каплунов, А.И. О классификации мер государственного принуждения / А.И. Каплунов // Государство и право. 2006. № 3.
6. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : моногр. / Н.Н. Ковтун. Н/Новгород : Нижегород. правовая акад., 2002.
7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко ; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М. : Юрайт-Издат, 2004.
8. Конституция Российской Федерации // Изв. 1993. 28 дек.
9. Корневский, Ю. Противоречит ли Конституции прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям? / Ю. Корневский // Рос. юстиция. 1997. № 1.
10. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л.И. Кукреш. Минск : Тесей, 2005.
11. Ларин, А.М. Презумпция невиновности / А.М. Ларин. М. : Наука, 1982.
12. Лукашов, А. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности / А. Лукашов // Юстиция Беларуси. 2002. № 4.
13. Лунев, В.В. Криминальная глобализация / В.В. Лунев // Государство и право. 2004. № 10.
14. О гарантиях обвиняемому при прекращении предварительного расследования в связи с истечением сроков давности : решение Конституц. суда Респ. Беларусь № Р-161/2003 от 3 нояб. 2003 г. // Весн. Канстытуц. суда Рэсп. Беларусь. 2003. № 4.
15. О ратификации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности : закон Респ. Беларусь № 195-З от 3 мая 2003 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. № 55. 2/943.
16. Права человека : сб. междунар.-правов. док. / сост. В.В. Щербов. Минск : Белфранс, 1999.
17. Слюсаренко, М.И. Презумпция невиновности в уголовно-процессуальном законодательстве России / М.И. Слюсаренко, Б.Д. Завидов // Рос. следователь. 2002. № 8.
18. Тетерин, Б.С. Возбуждение и расследование уголовных дел / Б.С. Тетерин, Е.З. Трошкин. Минск : Тесей, 2001.
19. Шахкелдов, Ф.Г. Актуальные вопросы применения презумпции невиновности обвиняемого / Ф.Г. Шахкелдов // Судья. 2006. № 5.
20. Он же. О содержании презумпции невиновности обвиняемого / Ф.Г. Шахкелдов // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 2.
21. Шиндяпина, М.Д. Стадии юридической ответственности : учеб. пособие / М.Д. Шиндяпина. М. : Кн. мир, 1998.

С.В. Рыбак, адъюнкт НПФ Академии МВД
Республики Беларусь

ГЕНЕЗИС НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Исследуется недостаточно разработанная в современной юридической науке проблема возникновения в уголовном процессе подозреваемого и надления его статусом участника процесса. Предметом изучения являются правовые нормы законодательства различных этапов исторического развития Республики Беларусь, регламентирующие понятие подозреваемого и его процессуальное положение. Обозначены общие тенденции эволюции нормативно-правового регулирования подозреваемого, проведен сравнительный анализ закрепления данной фигуры и отражения его правового статуса в наиболее важных с исторической точки зрения нормативных источниках с современным законодательством. Наряду с положительными моментами действующего законодательства в исследуемой области отмечается необходимость доработки ряда положений. К числу наиболее острых относятся вопросы о понятии подозрения как основания возникновения подозреваемого в уголовном процессе, функции, реализуемой им при производстве по делу, моменте прекращения участия подозреваемого в уголовном процессе. Освещение и анализ обозначенных проблем сквозь призму истории создает базу для широкого и основательного исследования нормативного закрепления подозреваемого, его положения в разрезе современного процессуального закона.

Изучение любого правового понятия, в том числе подозреваемого как участника уголовного процесса, является более результативным при рассмотрении в историческом плане с момента формирования условий эволюции до современного состояния.